

УДК 81.42

ПРАГМАТИКА ИРОНИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

© Анна Горностаева

THE PRAGMATICS OF IRONY IN MODERN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Anna Gornostaeva

The article analyzes the place and role of irony in modern political discourse. The aim of the article is to compare Russian and English political discourse in terms of the use of irony in accordance with the authorial communicative intention, and to determine their common characteristics. The research is based on recent speeches of Russian, British, and American politicians. The article shows that the frequency and concentration of irony is largely determined by the type of the political genre. The research identifies the main functions of irony, which correspond to its strategies in political discourse, such as: aggression, manipulation, and entertainment. The functions of irony are represented as pairs of opposites, which do not contradict each other, but coexist: attack – defense, rapprochement–distancing, self-deprecation – self-overestimation. The conclusion is drawn about irony being an integral part of a successful leader's image, which holds true both for Russian and English culture. The analysis of politicians' speeches shows that those speakers, who often resort to irony, most effectively influence the audience.

Keywords: irony; political discourse; genre; functions; strategies.

Статья посвящена анализу места и роли иронии в современном политическом дискурсе. Целью работы является сравнение и выявление общих закономерностей в функционировании иронии в русском и англоязычном политическом дискурсе в соответствии с коммуникативной интенцией автора. Материалом исследования явились высказывания государственных деятелей России, Великобритании и США последних лет. В статье показано, что частотность иронии, ее насыщенность во многом определяются характером политического жанра. В работе выделены основные функции иронии в политическом дискурсе, соответствующие ее стратегиям, среди которых указываются следующие: агрессия – манипулирование – развлечение. Впервые предлагается представить функции иронии в виде парадигм, представляющих собой пары противоположностей: нападение – защита, сближение – дистанцирование, самовозвышение – самопринижение. Эти функции не вступают в противоречие, а пересекаются и взаимодополняют друг друга, что соответствует многоплановой природе иронии. Делается вывод об ироничности как неотъемлемом качестве истинного лидера, что справедливо и для русской, и для англоязычной лингвокультур. Анализ речей политиков показывает, что наиболее эффективно воздействуют на аудиторию именно те ораторы, которые часто прибегают к иронии.

Ключевые слова: ирония; политический дискурс; жанр; функции; стратегии.

Введение

В современной лингвистике, основанной на когнитивно-дискурсивном подходе к объекту исследования, все более возрастает интерес к дискурсивным характеристикам языка. Это проявляется в выделении различных типов дискурса, среди которых важное место занимает политический.

Актуальность изучения языка политики объясняется возрастанием интереса не только специалистов, но и широкой аудитории к текущим международным событиям, их обсуждению и комментированию. Политический дискурс по-

степенно выходит за рамки специального официального жанра, приобретая всеобщий доступный характер и приближаясь по своим характеристикам к языку бытовому. Развлекательность, театральность и ироничность как черты современного политического дискурса оказывают влияние на сближение оратора и аудитории, уменьшение вертикальной дистанции и популяризации политики для общественности.

1. Понятие политического дискурса и его характеристики

Понятие политического дискурса имеет разнообразные трактовки. Его определяют как раз-

новидность идеологического дискурса, основное назначение которого состоит в борьбе за власть [Базылев]; коммуникацию, имеющую своей целью завоевание и удержание политической власти [Баранов, Казакевич]; набор некоторых действий, направленных на распределение власти и экономических ресурсов в какой-либо стране [Зеленский]; деятельность, направленную на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения в обществе [Кожемякин].

Ключевым понятием и в политике, и в политическом дискурсе становится борьба за власть. Как замечают сторонники критического анализа дискурса, язык используется в политике как средство власти и как средство социального контроля [Fairclough]; [Van Dijk]; [Wodak]. Соответственно, целью исследователей политического дискурса является рассмотрение связи между использованием языка и осуществлением власти. Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам, то есть аудитории, необходимость политически правильных, с точки зрения говорящего, действий и / или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать, а убедить, побудить к действию.

Исследователи политического дискурса (см.: [Садуов], [Шейгал], [Ponton] и др.) выделяют следующие присущие ему характеристики: преобладание массового адресата; эмотивность; фатическое общение (часто более важным оказывается не содержание сообщения, а сам факт его произнесения); смысловая неопределенность; эзотеричность (эвфимизация, уклончивость); опосредованность политической коммуникации фактором СМИ (ее представители исполняют роль медиатора); театральность; динамичность.

В данной работе в центре внимания находится ирония в политическом дискурсе как способ достижения коммуникативной интенции автора, ее функции и влияние на течение дискурса в разных лингвокультурах.

2. Ирония и юмор в политическом дискурсе: уместность и допустимость

Вопрос об иронии и юморе в политике долгое время оставался без внимания. Понятие «политический юмор» в отечественной науке стало разрабатываться в самом конце XX века [Дмитриев]. Были выделены основные направления политического юмора, его объекты и субъекты, приемы, а также социальные функции, основной из которых является желание человека уйти от неприятной ему реальности, освободиться не только от внешней цензуры, но прежде всего от

внутреннего цензора, от страха перед авторитарным запретом, перед властью.

Британские ученые указывают, что роль юмора в жизни современного общества намного больше, чем это ранее представлялось различными социальными теориями: “humour... plays such a key role in the maintenance of social life, is much more important than social theorists have often assumed” [Bilig, p. 236]. Это подтверждается возрастающим интересом к юмору и иронии как научным объектам. В последние годы появилось значительное количество научных работ, посвященных этим явлениям, появилась методика обучения юмору.

Исследователи современного американского политического юмора отмечают неоднозначное отношение к нему в обществе. С одной стороны, юмор считается источником удовольствия, средством и панацеей от стресса. Но юмор может оказывать разное влияние: сообщать достоверную или ложную информацию, вызывать любовь или ненависть, выявить или скрыть проблему [Lewis]. Это противоречие привело к тому, что на американской политической арене в течение нескольких последних десятилетий происходит борьба между намеренным внедрением юмора в политический дискурс и сопротивлением ему.

Помимо десакрализации власти, политический юмор обеспечивает комфортное общение между политиком и его аудиторией, минимизирует вертикальную дистанцию, а также помогает наилучшим образом донести идею до собеседников. Ирония, являющаяся разновидностью юмора и в то же время имеющая свои особенности, более критична и направлена на определенный объект.

Ирония – явление многоплановое и разностороннее. Она может представлять собой высказывание, речевой акт (совместно с ответной репликой) и речевой жанр (на уровне текста). Ирония как категория дискурса порождается совместными усилиями автора и адресата, существует только в контексте и основана на языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или высказывания в отличном от буквального смысле и выполняет функцию, соответствующую коммуникативной интенции говорящего. Частотность употребления иронии, речевая насыщенность ироническими высказываниями обусловлена ситуацией общения и политическим жанром.

3. Место иронии в некоторых политических жанрах

Существуют различные классификации политических жанров. Помимо первичных и вторичных («жанры институциональной коммуни-

кации <...> и жанры бытового общения» [Шейгал, с. 269]), существует фольклорное понимание политического дискурса, то есть распространение его в самых разных социальных и профессионально-бытовых слоях общества. Сюда относятся канцелярит и мат, частушки, пародии [Базылев, с. 5]. Действительно, даже те жанры, которые изначально не относились к политическому дискурсу, могут включать в себя политическую информацию и оценки политических деятелей.

По мнению некоторых исследователей, ирония способна проникать во все речевые акты и почти во все речевые жанры, подобно тому, как она может проникать во все виды тропов, сплошь и рядом образуя ироническую метафору, ироническую метонимию, гиперболу, литоту и сравнение [Ермакова, с. 75]. Говоря об иронии в английском дискурсе, в частности в политическом, мы исходим из предпосылки, что ироничность является особенностью коммуникативного стиля англичан (это проявляется в частотности употребления иронии и разнообразии ее функций). Для английской лингвокультуры применение иронических, самоиронических, саркастических высказываний актуально и естественно. Напротив, ситуации, когда ирония находится под запретом, делают англичан беспомощными и уязвимыми.

Что касается русской коммуникативной культуры, то, по нашим наблюдениям, здесь ирония употребляется значительно реже, чем в английском дискурсе, и ее использование обусловлено характером и темой общения. Тем не менее русский политический дискурс, так же, как и английский, часто содержит значительное количество иронических и юмористических высказываний.

Как уже было отмечено, характер политического дискурса может меняться в зависимости от жанра, социального статуса говорящих, культурного уровня и национального колорита. Собеседники одного социального статуса могут допускать достаточно острые нападки друг на друга, выдвигать обвинения, открыто критиковать. Подобная тенденция прослеживается и в российском, и в англо-американском политическом дискурсах.

4. Функции иронии в политическом дискурсе

Многоплановость иронии не позволяет дать четкую классификацию всего разнообразия функций, выполняемых ею. В их число входят усиление смысла, усложнение, двусмысленность, игривость, дистанцирование, самозащита, лице-

мерие, оскорбление, нападение, усугубление и др.

Исследователи английского дискурса указывают на двойственный характер прагматического воздействия иронии: она обеспечивает возможность для выражения негативного отношения к адресату или предмету речи в завуалированной, скрытой форме, для дискредитирования оппонента, при этом соблюдая рамки, установленные этикетом и максимами вежливости и такта. С другой стороны, ирония может создать особую позитивную психологическую атмосферу, располагающую коммуникантов к взаимодействию и сотрудничеству [Храмченко], способствуя при адекватном ее использовании осуществлению коммуникативной цели и реализации намерения автора, при неадекватном использовании – к уклонению от исходной коммуникативной цели и коммуникативной неудаче.

В центре внимания данной работы – ирония в политическом дискурсе, поэтому ее функции рассматриваются в соответствии с коммуникативной интенцией говорящего – политика или общественного деятеля.

Функции иронии соответствуют парадигме, охватывающей основные стратегии политического дискурса: агрессия – манипуляция – развлечение (подробнее см.: [Горностаева]). Действительно, политическая коммуникация, с одной стороны, направлена на нападение и уничтожение противника в споре (либо на убеждение его в своей точке зрения и перемирие), с другой – целью политических дебатов являются влияние на аудиторию и косвенное вовлечение ее в процесс обсуждения, что обуславливает развлекательный характер коммуникации. Ирония в политическом дискурсе призвана обеспечивать деятельность этих стратегий. Следовательно, ее функции могут быть представлены в виде следующих противоположных тенденций: нападение – защита; сближение – дистанцирование; самовозвышение – самопринижение.

Поскольку ирония – явление противоречивого характера, эти пары, хотя и содержат противоположные друг другу элементы, создают единое целое. В этом заключается многоплановая и труднообъяснимая природа иронии.

Нападение и защита

Об агрессии иронии писали такие исследователи, как О. П. Ермакова [Ермакова], И. А. Шаронов [Шаронов], L. Hutcheon [Hutcheon] и др. Ирония, выполняющая функцию нападения, часто остросоциальна, направлена на акцентирование недостатков общественного устройства и сходна по функциям с сатирой, обличающей и

клеящей позором. Такая ирония призвана провозгласить и обвинять. Обратимся к примерам.

(1) Английский политик Джереми Корбин использует иронию для критики поведения премьер-министра, который сначала одобрил инициативу присылать ему вопросы, а потом «что-то случилось с его памятью», и вопросы так и остались без ответа: *Prime minister welcomed this idea in 2005. Something seems to have happened to his memory since that time* [Jeremy Corbyn vs David Cameron, PMQs live]. Ироническая реплика *Something seems to have happened to his memory since that time* должна быть понята собеседниками в смысле, отличном от буквального: на самом деле премьер-министр не забыл о своем обещании, а просто игнорирует присланные ему вопросы. Ирония используется в функции критики, насмешки.

(2) В 2011 году президент США Барак Обама высмеял возможность Трампа баллотироваться в президенты, предположив, что, если тот придет к власти, его будут занимать «вопросы, которые действительно имеют большое значение», например: была ли наша высадка на луне сфабрикована? Что на самом деле случилось в Розуэлле¹? И где Бигги и Тупак²? *he can finally get back to focusing on the issues that matter, like: did we fake the moon landing? What really happened in Roswell? And where are Biggie and Tupac?* [White House Correspondents' Dinner]. Ирония заключена здесь в словах *issues that matter*, которые заключают в себе противоположный буквальный смысл: говорящий хочет подчеркнуть, что Трампа занимают абсолютно неважные для страны вопросы. Таким образом, ирония содержит острую критику.

(3) Х. Клинтон использует иронию, направленную против себя: *I am not known for my sense of humour... people say I am boring compared to Donald... but I am not boring at all... In fact I am the life of every party I attend... and I have been to three* [Al Smith dinner]. – *Я не могу похвастаться чувством юмора... люди говорят, по сравнению с Дональдом я скучна... Но это не так. На самом деле, я – душа компании на любой вечеринке. А я была на трех* (Здесь и далее перевод наш – А. Г.). Заведомо ложное утверждение «я – душа компании» разоблачается неожиданным добавлением в

конце фразы *and I have been to three* и является нарушением коммуникативных ожиданий адресата. Последняя фраза сигнализирует о том, что говорящий использует иронию, в данном случае, самоиронию. Это – один из действенных способов защиты, предотвращения возможной критики.

(4) Для предупреждения возможной критики кандидат в президенты РФ В. В. Жириновский использует ироническое сравнение, сравнивая себя с чужой женой, которая не может надоест: *Что вы от меня устали? Почему я надоел? Я ни одного дня не был президентом. Вам надоест чужая жена? Ваша надоела, я согласен. Разводитеесь.* [«Время покажет»]. Данное сравнение основано на комической ассоциации «президент – жена». Одновременно с защитной функцией ирония выполняет функцию нападения, агрессивного выпада в адрес оппонентов.

Сближение и дистанцирование

Эти две противоположных функции иронии успешно сосуществуют в политическом дискурсе, так как цель оратора – с одной стороны, противопоставить себя и свою позицию оппоненту, а с другой – идентифицировать себя с народом, убедив аудиторию, что он представляет ее интересы.

Так, говоря о Дональде Трампе, Хилари Клинтон подчеркивает свое выгодное отличие от политического противника. В то же время она делает упор на такие свои качества, как серьезность, дальновидность, что должно обеспечить поддержку аудитории:

(5) *There is nothing like sharing a stage with Donald Trump. Donald wanted me drug tested before last night and I am so flattered that Donald thought I used some kind of performance enhancer. And I did, it's called preparation* [Al Smith dinner] – *Ничто не сравнится с тем, как стоять вместе с Дональдом Трампом на сцене. Дональд хотел проверить меня на допинг перед последним выступлением. Мне очень лестно, что он думал, что я использую допинг. Это правда. Мой допинг – подготовка.* Ирония заключена во фразе *And I did*, подтекст которой отличается от буквального смысла (на самом деле допинга не было). Клинтон использует иронию парадокса, называя подготовку допингом, что дистанцирует ее и ее противника и одновременно приближает к публике, которая понимает скрытый смысл высказывания.

(6) Двусмысленность, как продуктивный механизм иронии, часто выполняет функцию сближения автора и адресата (и дистанцирует собеседников от объекта иронии, который является предметом насмешки): *«Двум президентам лучше проводить ужин без галстуков. Галстуки*

¹ Город на юго-западе США. Мировую известность город приобрёл в связи с «Розуэлльским инцидентом» 1947 года, одним из наиболее известных происшествий, рассматриваемых как обнаружение неопознанных летающих объектов (НЛО).

² Документальный фильм «Бигги и Тупак» режиссера Ника Брумфилда рассказывает о двух рэперах, чья гибель до сих пор окутана тайной.

нынче в цене... *Не ровен час, слопают*», – говорит российский президент, намекая на странное поведение М. Саакашвили, от волнения жуящего свой галстук в эфире [В. Путин. Выступление в Ялте]. Выражение *не ровен час, слопают* содержит метафору и иронию-преувеличение, основанную на переносе образа (слопать что-либо съедобное – слопать галстук – «слопать» политика) Этот намек будет понятен только тем, кто смотрел подразумеваемую передачу.

(7) Ирония двусмысленности используется и в предвыборном дискурсе: *«Владимир Вольфович, я понимаю, что это последняя гастроль артиста, но вы постарайтесь как-то спокойнее»*, – говорит кандидат в президенты РФ П. Н. Грудинин, обращаясь к своему оппоненту В. В. Жириновскому [Дебаты. Лучшие моменты и скандалы]. Иронический намек на постоянные и безуспешные попытки последнего победить в борьбе за пост президента, яркая метафора *последняя гастроль артиста* сближают говорящего и аудиторию в насмешке над противником.

Самовозвышение и самопринижение

Данные функции часто выполняет самоирония, которая, с одной стороны, выставляет самого говорящего как объект насмешки, с другой – возвышает его в глазах аудитории. Блестящие примеры самоиронии демонстрирует Дональд Трамп:

(8) *I'm a modest person, in fact, many people tell me that modesty is perhaps my best quality. Even better than my temperament* [Al Smith dinner]. – *Я скромный человек. Многие люди говорят, что скромность – лучшее из моих качеств. Даже лучше, чем мой характер.* Ирония в данном высказывании заключена в противоположности сказанного и подразумеваемого: ни сам говорящий, ни его окружение не считают его скромным или обладающим хорошим характером.

(9) Самопринижение в комментарии о возможной победе Клинтон в выборах характеризует Дональда Трампа как человека с отменным чувством юмора: *If by any chance she gets elected she wants me to be either her ambassador to Iraq or Afghanistan. It's my choice* [Там же]. – *Если вдруг она победит на выборах, она хочет, чтобы я был ее послом либо в Ираке, либо в Афганистане. Выбор за мной.* Здесь использована ирония двусмысленности: говорящий подразумевает, что быть послом в горячих точках равносильно смерти, поэтому, говоря о предложенной ему должности, он признает возможный конец своей не только карьеры, но и жизни.

(10) Интересно обыгрывание гендерной принадлежности оратора с использованием иронической метафоры: *«Пол – это не мой потолок»*, – говорит кандидат в президенты России

К. А. Собчак в ответ на поздравление с праздником 8 марта во время предвыборных дебатов [Дебаты. Лучшие моменты и скандалы]. Многозначность слов «пол» и «потолок» создают ироническую игру и способствуют самовыражению автора.

5. Обсуждение

Проанализированный материал, представленный примерами из российского, британского и американского дискурсов, подтверждает тенденцию отхода политического языка от строго официального стиля. Речь современных политиков театральна, карнавальна, иронична, содержит примеры употребления лексики сниженного регистра.

Разнообразие языковых средств, эмоциональность, экспрессивность, обращенность к аудитории – все это направлено на удержание внимания публики, ее развлечение и сокращение дистанции между говорящим и его электоратом. В то же время, ирония является мощным оружием дискредитации политических оппонентов, самовыражения на фоне побежденного противника.

Анализ материала показывает, что, несмотря на некоторые национальные особенности ведения политического диалога, и российский, и англоязычные дискурсы функционируют в рамках сходных функций и стратегий.

Выводы

Умение остроумно вести политический диалог – неотъемлемое качество истинного лидера. Анализ речей политиков показал, что наиболее эффективно воздействуют на аудиторию именно те ораторы, которые часто прибегают к юмору, иронии, сарказму. Самоирония помогает предотвратить возможную критику или парировать нападки оппонентов, обезоруживая их. Функции иронии разнообразны, могут комбинироваться и направлены на то, чтобы обеспечить оптимальный эффект.

Государственные деятели, воздерживающиеся в своих речах от юмора и соблюдающие строгую официальность стиля, по нашим наблюдениям, менее популярны в обществе и имеют на него меньшее влияние, что справедливо и для русской, и для англоязычной политической лингвокультуры. Для того чтобы понимать иронию и юмор в политическом дискурсе, адресат высказывания должен быть знаком с политической ситуацией, причинами разногласий и конфликтов, которые высмеиваются или осуждаются, а также с целями конкурирующих политических сил. Кроме культурно-исторического аспекта необходимо учитывать специфичные вербальные установки каждой политической языковой личности.

Несмотря на то, что частотность, особенно-сти и характер использования иронии во многом обусловлены коммуникативными ценностями, свойственными той или иной культуре, русский и английский политический дискурсы развиваются по сходным стратегиям, ирония выполняет те же функции.

Список литературы

Базылев В. Н. Политический дискурс в России. // Политическая лингвистика. Выпуск № 15. 2005. С. 5–32.

Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 64 с.

«Время покажет». Первый канал. 23.11.17. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g-6ILuVOb8I> (дата обращения: 27.11.2017)

В. Путин. Выступление в Ялте. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VLMX7m1vmCo> 02.06.14 (дата обращения: 27. 11.2014).

Горностаева А. А. Политика и ирония: совместимость и взаимодействие. М.: ИПЦ «Маска», 2015. 196 с.

Дебаты. Лучшие моменты и скандалы. 10.03.2018. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=EaNLjYbjYFI> (дата обращения: 15. 03.2018)

Дмитриев А. В. Социология юмора. М.: Издательство РАН, 1996. 214 с.

Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (Еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи 1–2(9–10), 2014. Саратов:Саратов. госуд. университет. С. 74–80.

Зеленский В. В. Послесловие к книге: В. Одайник. Психология политики. Психологические и социальные идеи Карла Густава Юнга. СПб.: Ювента, 1996. С. 368–380.

Кожемякин Е. А. Производство знания в политическом дискурсе: социально-эпистемологический взгляд // Политическая лингвистика, 2011, № 4(38). С.52–56.

Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 136 с.

Храмченко Д. С. Ирония в английском деловом дискурсе: функционально-синергетический подход: дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2010. 209 с.: ил.

Шаронов И. А. Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония // Агрессия в языке и речи. Сборник научных статей / Под ред. И. А. Шаронова. М. РГГУ, 2004. С. 38–53.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. Москва – Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.

Al Smith Dinner (Full) // The New York Times. 2016. 10 Oct.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yGgxr4Sxoas>. (дата обращения: 27.10.2016).

Bilig M. Laughter and ridicule. Towards a social critique of humour. Nottingham Trent University, Sage Publications, UK, 2005. 273 p.

Fairclough N. Language and power. Longman 1996. 135 p.

Hutcheon L. Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony. New York: Routledge, 2005. 248 p.

Jeremy Corbyn vs David Cameron – watch PMQs live. 16.09.13: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3-0KkGdPIz4> (дата обращения: 17.01.2014).

Lewis P. Cracking up. American humour in a time of conflict. The University of Chicago Press, 2006. 277 p.

Ponton D.M. For Arguments' sake: speaker evaluation in modern political discourse. Cambridge Scholars Publishing 2011. 110 p.

Van Dijk T. A. Society and discourse: how social contexts influence text and talk. Cambridge University Press, 2009. 299 p.

White House Correspondents' Dinner. URL: http://www.pic.twitter.com/oLchlBVxbP_2011 (дата обращения: 13.04.2017).

Wodak R. Critical Discourse Analysis / Discourse as Social Interaction, Vol. 2. – London: Sage Publications, 1997. Pp.259–284.

References

Al Smith Dinner (Full). (2016). The New York Times. 10 Oct.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yGgxr4Sxoas>. (accessed: 27.10.2016). (In English)

White House Correspondents' Dinner. URL: http://www.pic.twitter.com/oLchlBVxbP_2011 (accessed: 13.04.2017). (In English)

Bazylev, V. N. (2005). *Politicheskii diskurs v Rossii* [Political Discourse in Russia]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics]. Vypusk No.15, pp. 5–32. (In Russian)

Baranov, A. N., Kazakevich, E. G. (1991). *Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii* [Parliament Debates: Traditions and Innovations]. 64 p. Moscow, Znanie. (In Russian)

Bilig, M. (2005). *Laughter and Ridicule. Towards a Social Critique of Humour*. 273 p. Nottingham Trent University, Sage Publications, UK. (In English)

Debaty. Luchshie momenty i skandaly [Debate. The Best Moments and Scandals]. 10.03.2018. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=EaNLjYbjYFI> (accessed: 15. 03.2018). (In Russian)

Dmitriev, A. V. (1996). *Sotsiologija iumora* [Sociology of Humour]. 214 p. Moscow, Izdatel'stvo RAN. (In Russian)

Ermakova, O. P. (2014). *Iavliaetsia li ironiia rechevym zhanrom? (Eshhe raz o nekotoryh osobennostiakh ironii)* [Is Irony a Speech Genre? (Once Again about the Peculiarities of Irony)]. *Zhanry rechi 1–2(9–10)*, pp. 74–80. Saratov, Sarat. gosud. universitet. (In Russian)

Fairclough, N. (1996). *Language and Power*. 135 p. Longman. (In English)

Gornostaeva, A. A. (2015). *Politika i ironiia: sovmetimost' i vzaimodeistvie* [Politics and Irony; Coexistence and Cooperation]. 196 p. Moscow, Maska. (In Russian)

Hutcheon, L. (2005). *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony*. 248 p. New York, Routledge. (In English)

Jeremy Corbyn vs David Cameron – watch PMQs live. 16.09.13. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3-0KkGdPlz4> (accessed: 17.01.2014). (In English)

Khranchenko, D. S. (2010). *Ironiia v angliiskom delovom diskurse: funkcional'no-sinergeticheskii podkhod*. ... kand. filol. nauk [Irony in the English Business Discourse: Ph.D. Thesis]. Tula, 209 p.: il. (In Russian)

Kozhemiakin, E. A. (2011). *Proizvodstvo znaniia v politicheskom diskurse: sotsial'no-epistemologicheskii vzgliad* [Knowledge Production in Political Discourse]. *Politicheskaiia lingvistika* [Political Linguistics]. No. 4(38), pp. 52–56. (In Russian)

Lewis, P. (2006). *Cracking Up. American Humour in a Time of Conflict*. 277 p. The University of Chicago Press. (In English)

Saduv, R. T. (2012). *Fenomen politicheskogo diskursa Baraka Kh. Obamy: lingvokul'turologicheskii i semioticheskii analiz: monografiia* [The Phenomenon of Barack Obama's Political Discourse: Linguistic, Cultural and Semiotic Analysis]. 136 p. Ufa, RIC BashGU. (In Russian)

Sharonov, I. A. (2004). *Priemy rechevoi agressii: nasmeshka i ironiia* [Ways of Speech Aggression; Scorn and Irony]. *Agressiia v iazyke i rechi. Sbornik nauchnykh statei*. Pod red. I. A. Sharonova. Pp. 38–53. Moscow, RGGU. (In Russian)

Sheigal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa: monografiia* [Semiotics of Political Discourse]. 367 p. Moscow – Volgograd, Peremena. (In Russian)

Ponton, D. M. (2011). *For Arguments' Sake: Speaker Evaluation in Modern Political Discourse*. 110 p. Cambridge Scholars Publishing. (In English)

Van Dijk, T. A. (2009). *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. 299 p. Cambridge University Press. (In English)

“Vremia pokazhet”. *Pervyi kanal*. 23.11.17. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g-6ILuVOb8I> (accessed: 27.11.17). (In Russian)

V. Putin. *Vystuplenie v Yalte*: URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VLMX7m1vmCo> 02.06.14 (accessed: 27.11.2014). (In Russian)

Wodak, R. (1997). *Critical Discourse Analysis. Discourse as Social Interaction*, Vol. 2, pp. 259–284. London, Sage Publications. (In English)

Zelenskii, V. V. (1996). *Posleslovie k knige: V. Odainik. Psihologiia politiki. Psihologicheskie i sotsial'nye idei Karla Gustava Junga* [The Afterword to the Book: V. Odaynik. The Psychology of Politics: Psychological and Social Ideas of Karl Gustav Jung]. Pp. 368–380. St. Petersburg, Juventa. (In Russian)

The article was submitted on 26.04.2018

Поступила в редакцию 26.04.2018

Горностаева Анна Алексеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский государственный
лингвистический университет,
119034, Россия, Москва,
Остоженка, 38.
anngornostaeva@yandex.ru

Gornostaeva Anna Alexeevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow State Linguistic University,

38 Ostozhenka Str.,
Moscow, 119034, Russian Federation.
anngornostaeva@yandex.ru